

■ Введение ■
Митфордианский
■ феномен ■

Представьте шесть девушек, шесть законченных индивидуалисток, и выпустите их в одну из самых взрывоопасных эпох мировой истории — вы получите сестер Митфорд. Этому социальному эксперименту позавидовал бы самый изобретательный исследователь, а интересен он во многом невозможностью его повторить. Никогда больше не будет шести таких девиц, воспитанных в такой манере и в такое время.

Сестры Митфорд родились в сердце Англии, самая старшая — в 1904 году, самая младшая — в 1920-м. Их родословная древнее Нормандского завоевания. Дочери второго лорда Ридсдейла и леди Ридсдейл должны были стать женами и матерями аристократов, образцовыми представительницами своего класса, появляться на придворных балах в атласных, чуть неуклюже сидящих платьях и носить верхом по графству Глостер в добротном твиде. Кое-что от старомодного воспитания все же в них сохранилось, и Нэнси Митфорд на смертном одре признавалась, что отдала бы все за день на охоте. Но огромный мир за пределами поместья Хейтроп давно предъявил свои права на Нэнси и на всех сестер за исключением Памелы — и на фоне этой бледной тени тем ярче сияли остальные пять.

Выбранные сестрами Митфорд пути можно перечислить почти так же, как в детском стишке перебираются жены Генриха VIII: Писательница, Птичница, Фашистка, Нацистка, Коммунистка, Герцогиня. Можно составить мини-биографии, жонглируя наиболее поразительными фактами с ловкостью опытного циркача. Нэнси, самоучка, не умевшая расставлять знаки препинания (“Не Ваш конек”, — писал ей Ивлин Во), сделалась известной писательницей, чьи изданные в 1940-х романы “В поисках любви” и “Любовь в холодном климате” принадлежат к популярной и любимой читателями классике. Памела, буколический птицевод с голубыми глазами (солнечные очки она всегда подбирала в тон), была воспета молодым поэтом Джоном Бетжеменом (“Памела нежная, кто ближе всех к земле”). Диана, первая красавица в своем поколении, преспокойно приняла участь парии, бросив идеального мужа ради лидера Британского союза фашистов сэра Освальда Мосли. Юнити, зачатая в канадском городе Свастика, сделалась яростной нацисткой и близкой подругой Адольфа Гитлера. Джессика сбежала из дома с коммунистом Эсмондом Ромилли, племянником (а по слухам, сыном) Уинстона Черчилля, и поселилась в рабочем районе Ротерхайта. Дебора стала хозяйкой Чэтсуорт-хауса, величественной, выстроенной еще в XVII веке резиденции герцогов Девонширских, и собрала здесь выдающуюся коллекцию записей и сувениров Элвиса Пресли.

Все эти подробности потоком хлынули в прессу в 2014 году, после смерти Деборы, “последней из сестер Митфорд”, хотя ничего нового тут не было. Кто-то путался и считал Нэнси фашисткой, а Юнити — коммунисткой, но общее представление имели почти все. Столь же знаком был англичанам совокупный образ сестер: безудержное аристократическое легкомыслие, схожие, словно вариации на общую

тому, лица, домашний язык. Митфорды обитали в лингвистическом микроклимате почти детского лепета (“ой, пожалей меня”), более всего известны прозвища, которыми они наделяли всех и в первую очередь друг друга, и то, что началось как семейная шутка, позднее стало достоянием публики. Тут опять кто-то может запутаться и решить, что нацисткой была Женщина, а писательницей Хонкс или что Стабби обожала сельскую глушь, а замуж за герцога вышла Бобо¹, но в целом примерно так судьбы этих девушек и складывались. К тому же с Гитлером были знакомы все они и звали его Хитти или герр Маляр — одни так, другие эдак.

За несколько лет до ее смерти я взяла интервью у вдовствующей герцогини Девонширской, Дебо (Нэнси — можете себе представить? — дала ей прозвище Девять, мол, умом она старше не станет). Герцогиня признала, что популярность “тем Митфордов” ее несколько удивляет: “Что люди до сих пор интересуются нами — это поразительно. А уж по каким причинам, им лучше знать”. Ее сестра Диана Мосли (Хонкс, Бодли, Корд, Нарди), с которой я тоже встречалась, высказалась намного резче: “Бесконечные разговоры о семье Митфорд — тощица смертная, — заявила она, запрокидывая все еще красивую голову в почти беззвучном смехе (так смеялись все девочки Митфорд, словно веселье словами не выразить). — До смерти надоело!”

Разумеется, то же самое можно сказать и о женах Генриха VIII. “Ой, только не заводите снова про Анну Клевскую и портрет работы Гольбейна. Кто ж про это не слышал?”

Такая известность, разумеется, осложняет задачу биографу. Судьба Юнити Митфорд — отменный сюжет для оперы, а все сводится к скверному анекдоту: “Тут объявили войну, и она застрелилась”. Потрясающая человеческая трагедия исчезает, остается только эта фраза. Беда в том, что слишком большая известность не только порождает скуку,

но и обесценивает смыслы. А судьба этих шести сестер значима и еще не до конца осмыслена. Я понимаю тех, кому давно уже охота порвать в клочья кружевную митфордиану, все эти “Пуля, Муля, кладовка Цып”², но вот что я скажу: приглядитесь заново к столь знакомым именам и фактам и задумайтесь над ними. Эти шесть сестер — лучшие образцы в музее английскости, и они представляют весьма сложное явление, хотя от их образа веет божественной простотой. Как бы мы их ни воспринимали, счесть их *скучными* едва ли кому удастся.

Причем, как я уже сказала, это явление никогда больше не повторится. Ни такие характеры, ни такое состояние мира — подобная конфигурация не сложится вновь.

Начать с простого факта — большого количества детей в семье. Всего их было семеро, и хотя о Томе, единственном сыне (1909 года рождения), часто забывают, он обладал не менее сильным и загадочным характером, чем сестры. Далее, особенности воспитания. Том отправился в Итон, но девочки получили домашнее образование, и три больших семейных поместья — Бэтсфорд-парк, Астхолл-мэнор и Свинбрук-хаус — служили площадками для игр, где развивалось их воображение. У современного ребенка день расписан по минутам (в 4 часа — гобой, в 4.30 — анализ на переносимость глютенa), и он таскается за родителями по всяким взрослым заведениям от бара до “Старбакса”. Девочки Митфорд, напротив, обитали в собственном мире. Они обладали свободой, которую ныне сочли бы дикостью. Физически эта свобода была ограничена: девочки не выезжали дальше чем в Шотландию, нигде не появлялись без няни и, кроме родственников, общались в основном с гурами, гувернантками и егерями. Их мать бывала строга, а отец порой устраивал яростный разнос за нарушение строгих правил этикета, и все же на более глубоком уровне

им была дарована абсолютная свобода: ничто не мешало девочкам следовать своей натуре и подлинным склонностям. Насколько это пошло им на пользу — другой вопрос, но именно такая свобода вылепила “сестер Митфорд”.

Они рыскали по своим владениям, вечно увлеченные книгой, любовью, животными (нет ни одной фотографии, на которой не красовался бы замечательный пес), с каждым годом становились все краше и все жаднее до жизни: монотонная скука сельского существования оказалась парадоксально мощным стимулом. Не следует представлять себе неразлучную и постоянную шестерку, складывались временные пары и альянсы: Диана и Том, Джессика и Юнити, Дебора и Джессика. Помимо всего прочего, и разница в возрасте мешала им образовать секстет (в котором Том был бы гастролирующим дирижером), но поскольку никакой другой компанией они не располагали, то все время сталкивались друг с другом, выбивая искры, словно кремень об огниво. В соперничестве установилась семейная иерархия, которая сохранится до конца, и, даже когда в живых оставались только Диана и Дебора, отголоски тех союзов и тех раздоров все еще можно было угадать.

Их поразительные, подчас патетические индивидуальности оттачивались в этом сложном взаимодействии. Разумеется, утверждение, будто Джессика сделалась неистовой коммунисткой, потому что самая близкая ей сестра, Юнити, стала яростной нацисткой, будет легковесным упрощением, и столь же наивен вывод, будто Юнити стала нацисткой, следуя примеру обожаемой Дианы, и все же некоторая доля истины в этом есть. Если бы они не выросли в постоянном общении, воюя, сближаясь, отдаляясь в вечном воинственном ритме, не вылепились бы и столь яркие индивидуальности. И опять-таки живи они в другое время, эти индивидуальности — по крайней мере, у части

девочек Митфорд — проявились бы совершенно иным образом.

Девочки Митфорд росли в пору глубоких и — что, пожалуй, важнее — *драматических* перемен. Дебют Нэнси в обществе состоялся 28 ноября 1922 года на балу в Астхолле. Светская хроника “Таймс” высказывалась о нем с формальной церемонностью, все еще соблюдавшейся по отношению к высшим классам (“Среди тех, кто приглашал гостей к танцам, была графиня Батхерст...”), словно Эдвардианская эра не завершилась. Танцы для самой младшей дочери, Деборы, организовали в семейном особняке в Лондоне 22 марта 1938 года. За десять дней до того произошел аншлюс, аннексия Австрии нацистской Германией.

За шестнадцать лет между этими двумя дебютами политические конфликты дошли до крайнего ожесточения. С двух сторон мировой шахматной доски неуклюжими глыбами высились коммунизм и фашизм. Демократия на их фоне казалась существом ничтожным и слабым, жалко блеющим об умеренности — после мировой войны и русской революции, на фоне Великой депрессии и массовой безработицы. Англия, в отличие от Италии, Испании и Германии, не искала прибежища в диктатуре, но и здесь многие мечтали об определенности и тешили себя иллюзиями, броскими лозунгами. В 1920 году была основана Коммунистическая партия Великобритании, а через три года — с неумолимой логикой — фашистская партия, поначалу малочисленная.

Быстро сменявшие друг друга недолговечные кабинеты министров пытались справиться с непрекращающимся экономическим кризисом и отвратить угрозу нестабильности. Очень серьезно относились к “письму Зиновьева” (1924 года), якобы инструкции главы Коммунистического интернационала, о переходе к классовой войне. Хотя про-

исхождение этого документа сомнительно, большевики действительно раскачивали ситуацию в стране, а у пролетариата и так имелись достаточные причины для недовольства. Ужасающе высокой была безработица. За пару недель до дебюта Нэнси по стране прошел первый из общенациональных “голодных походов”. В 1926 году состоялась всеобщая стачка, а в 1936-м — “поход из Ярроу”. В 1929 году первый в истории страны премьер-министр от лейбористов Рэмси Макдональд поручил молодому и энергичному члену парламента сэру Освальду Мосли разобраться с безработицей, но Мосли пошел своим путем, когда его радикальные (хотя и довольно популярные) идеи были отвергнуты. В 1931 году он сформировал Новую партию, через год переименованную в Британский союз фашистов.

В Германии, где к 1933 году насчитывалось 7 миллионов безработных, нищета достигла предела, а послевоенные обиды накапливались, взрыв казался неизбежным. Предстоял жесткий выбор: либо коммунисты, либо нацисты. Заняв должность канцлера, Гитлер объявил войну марксизму и уже этим приобрел себе немало приверженцев в некоторых британских кругах, как прежде Муссолини, пришедший к власти в 1922 году. Иные английские аристократы вполне откровенно выражали желание сблизиться с Гитлером. В 1936-м на обеде, устроенном Англо-Германским обществом дружбы в честь посла фон Риббентропа, присутствовали среди прочих герцог Веллингтон, лорд Лондондерри и лорд Ридсдейл с супругой. В том же году лорд Ридсдейл выступил с палате пэров с хвалебной речью в честь Гитлера и бранил прессу за “грубейшие преувеличения в таких вопросах, как обращение нацистов с евреями”. Главную мысль он сформулировал в одной фразе: “Что бы мы ни имели возразить по поводу конкретных моментов его правления, очевидно, что герр Гитлер спас Германию от красной угрозы”.